

Министерство образования и науки Российской Федерации

Ассоциация европейских исследований

Государственное образовательное учреждение

высшего профессионального образования

«Тюменский государственный университет»

Факультет истории и политических наук

Е В Р О П А

Международный альманах

Выпуск V

Мандр и К^а
Тюмень
2005

УДК 30
ББК 60
Е 24

ЕВРОПА: Международный альманах. Вып. V / Ред. колл.: С.В. Кондратьев (отв. ред.) и др. — Тюмень: Мандр и Ка, 2005. — 264 с.

В альманахе представлены оригинальные исследования в области европейстики — истории Европы — начиная с древнейших времен до нашего времени, международных отношений в Европе, культурных, политических, социальных, экономических и вообще гуманитарных аспектов развития современной Европы. К освещению европейских проблем привлечены ученые не только России, но и зарубежных стран. Альманах продолжает артикулировать позиции провинциальных ученых. Издание рассчитано на специалистов-гуманитариев и всех тех, кто интересуется международной проблематикой. Имеются резюме статей на русском, английском, немецком или французском языках.

Редакционная коллегия:

М. Джэнсон, доктор, проф.
А.Г. Еманов, доктор исторических наук, проф. (зам. отв. ред.)
С.В. Кондратьев, доктор исторических наук, проф. (отв. ред.)
С.С. Пашин, доктор исторических наук, проф.
А.В. Чудинов, доктор исторических наук.
В.В. Яковлев, канд. культурол., доц. (отв. секретарь)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
TEMPVS/TACIS (Project MP-JEP 23068-2002)

© Тюменский государственный университет (издание), 2005.

© В.В. Дыба-сын (обложка), 2005.

© Мандр и Ка (оформление), 2005.

ISBN 5-93020-353-9

Ministry of Education and Sciences of Russian Federation
Association of European Studies
Tyumen State University
Faculty of History and Political Studies

EUROPE
International Almanac

Part V

Mandr & K^a
Tyumen
2005

UDK 30
BBK 60
E 24

EUROPE: International Almanac. Part IV. / Ed. by S. Kondratiev. — Tyumen: Mandr & K^a, 2004. — 264 p.

The Almanac introduces original researches in the area of European Study: the History of Europe, covering the period from ancient times up to the present time, International relations in Europe, cultural, political, social, economic and humanitarian aspects of the development of Europe today. Russian researches as well as their colleagues from overseas countries highlight the European problems. The Almanac continues to articulate positions of provincial scientists. The Edition is addressed to humanists and all those who are interested in international problematics. Summaries of the articles in Russian, English, German, and French are enclosed.

Editorial board:

Maija Jansson, Ph. Dr., Prof.
Alexander Emanov, Dr., in History, Prof. (Co-editor)
Serguey Kondratiev, Dr., in History, Prof. (Editor-en-Chief)
Serguey Pashin, Dr., in History, Prof.
Alexander Chudinov, Dr., in History
Valentin Yakovlev, Ph. Dr (Secretary)

The Work was published with the financial Support of the
TEMPVS/TACIS (Project MP-JEP 23068-2002)

- © Tyumen State University (Edition), 2005.
- © V. Dyba (Design), 2005.
- © Mandr & K^a (Design), 2005.

ISBN 5-93020-353-9

Статьи

А.Г. Авдеев

Свято-Тихоновский гуманитарный институт

Фермопильский «мемориал»

*Много было войн у греков и у варваров между собою...
Но мне кажется, что подвиг выполненного Леонидом долга
превзошел все подвиги и до и после этого времени.*

Павсаний. Описание Эллады. III. 4. 6.

(Пер. с греч. С.П. Кондратьева)

Культура древних греков была культурой звучащего слова и «говорящего» предмета. Отсюда широчайшее распространение жанра стихотворной эпиграммы — в буквальном смысле «надписи», зародившегося еще на заре греческой литературы. Помещенная на любой предмет — будь то надгробие, постамент статуи, чаша или светильник, — такая надпись, идеально соединяя музыку слова с образом прекрасного, организовывала диалог человека и вещи. Эпиграммы пользовались большой популярностью и в Греции, и в Риме, и в Византии: на них ссылались историки, их изучали филологи, их подбирали в особые сборники — антологии или цветники. Этот «малый» жанр литературного творчества, доступный не только поэту-профессионалу, но и мало-мальски грамотному человеку, обладал невероятно богатыми возможностями увековечивать историческую память. При краткости и лапидарности слога, наличии привычных поэтических «штампов» эпиграмма, точнее, стихотворная надгробная надпись — эпитафия, — была удобна и для запоминания, и для запечатления на камне¹.

Важнейшим этапом в становлении эпиграмматической поэзии стали греко-персидские войны. В полисах, выступивших против незваных завоевателей, появилось немало стихотворных эпитафий в память павших на полях сражений, а в крупнейших храмах — подписей в стихах на посвященных богам трофеях. Именно они увековечили ту меру коллективного подвига и индивидуальной доблести, позволившей маленькому народу одержать победу над многомиллионным (так, по крайней мере, считали сами греки) полчищем варваров. Но ни один памятник той эпохи не был столь на слуху у греков, как «мемориал» в Фермопильском ущелье на границе Локриды и Фессалии — там, где небольшое ополчение нескольких полисов семь дней сдерживало стократно превосходившую его армию персов.

*Александр Григорьевич Авдеев, кандидат исторических наук, старший преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института (г. Москва). Специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, латинской и греческой эпиграфики.
E-mail: avdeev.ag@fschool.ru*

¹ См.: Брагинская Н.В. Эпитафия как письменный фольклор // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Память об этой битве жива до сих пор. Правда, в массовом сознании она отложилась как подвиг трехсот спартанцев, погибших под стрелами персов, но не сдавших поля боя врагу. Но это — последний этап сражения. Общая беда впервые сплотила греков, и к Фермопилам вышло ополчение, составленное из отрядов, присланных полисами Северной Греции и Пелопоннеса:

Полис	Численность ополчения по:	
	Геродоту ²	Павсанию ³
Спарта	300	300
Тегея	500	500
Мантинея	500	500
Орхомен	120	120
Полисы Аркадии	1000	1000
Коринф	400	400
Флиунт	200	200
Микены	80	80
Феспии	700	700
Фивы	400	400
Локры Опунтские		Ок. 6000
Фокея	1000	1000

Каждый отряд имел своего командующего (полемарха). Из них Геродот называет лишь имена командующего отрядом феспийцев — Демофила, сына Диадрома и Леонтиада — командующего отрядом фиванцев⁴. Общее командование было поручено спартанскому царю Леониду⁵. Ущелье — единственный проход из Северной Греции в Среднюю — было идеально укреплено самой природой. «Фермопилы представляют узкий⁶ и длинный проход; его окружает с одной стороны море, с острыми подводными камнями при полном отсутствии гаваней, с другой — непроходимое и бездонное болото», — отмечал Аппиан⁷. Это позволяло грекам, перекрывшим стеной самую узкую часть ущелья, держать оборону долгое время, что было частью общей стратегической задачи: не допустить врага в Среднюю Грецию, пока союзный флот не одержит победу над персидским флотом у мыса Артемисий.

Два (по Геродоту) или три (по Юстину) дня непрерывных атак не принесли персам победы: узость ущелья уравнивала силы. Наконец, изменник указал обходную тропу, и отряд «бессмертных» с наступлением сумерек начал продвижение в тыл грекам⁸. Ночью царь Леонид, которому наблюдатели сообщили о передвижении врага, отправил отряд фокейцев на прикрытие обходной тропы.

На заре, когда стало ясно, что положение безнадежно, царь Леонид приказал союзникам покинуть поле боя. С царем остались спартанцы, которым отступать запрещал обычай, феспийцы и фиванцы⁹ — по данным Юстина, около 600 человек¹⁰. Атака основных сил персов началась ближе к середине дня —

² Herod., VII, 202—203.

³ Paus., X, 20, 2.

⁴ Herod., VII, 204, 222, 233. Плутарх со ссылкой на Аристофана и Никандра Колофонского сообщает, что полемархом фиванцев был Анаксандр (Plut., De Herod. malign., 31. Mor. 867A).

⁵ Herod., VII, 204.

⁶ Тит Ливий (XXXVI, 15, 10) сообщает о том, что в самом узком месте ширина ущелья равнялась 60 шагам (примерно 18 м).

⁷ App., IX (Syr.), 17.

⁸ Herod., VII, 211—213.

⁹ Herod., VII, 222.

¹⁰ Iust., Epit., II, 11, 15; Oros., Hist., II, 9, 7—9.

когда в ущелье спустились первые отряды «бессмертных». Узнав о выходе противника в тыл, фиванцы сдались на милость победителя и по приказу царя Ксеркса были заклеены как рабы¹¹. Спартанцы же и феспийцы вырвались из ущелья и контратаковали противника, а затем, понеся сильные потери (в этом бою пал царь Леонид), заняли на холме у входа в ущелье круговую оборону¹². О гибели остатков отряда греков существуют две версии. Согласно Геродоту греки, оборонявшиеся на холме, были окружены персами и засыпаны градом стрел¹³, а согласно Юстину — ворвались ночью во вражеский лагерь и к середине следующего дня пали все до единого¹⁴. По-видимому, более правдоподобной является версия Геродота: при раскопках в Фермопилах, проведенных незадолго до Второй мировой войны, был локализован холм, на котором греки приняли последний бой, засыпанный наконечниками персидских стрел¹⁵.

После окончания греко-персидских войн над могилами павших были сооружены стелы со стихотворными эпитафиями. Такие погребения греки называли «*πολυανδρείον*» — «многомужными» могилами, что эквивалентно русскому термину «братская могила». В отличие от героона — места погребения мифического или реального героя, ставшего объектом религиозного почитания, полиандрии не были местом отправления культа. Устанавливавшиеся на них надгробия хранили память о совершенном здесь воинском подвиге. Так что этому понятию более соответствует термин «мемориал» в его современном значении. И полиандрий в Фермопилах был не только данью уважения тем, кто отдал жизнь за свободу и независимость Эллады, но и памятником, на котором воспитывали патриотизм не одного поколения греков.

Впервые об этом «мемориале» сообщает «отец истории» Геродот. Он говорит о стелах с надписями (*ἐπιγράμμασι... καὶ στήλησι*), поставленных на месте гибели каждого отряда¹⁶. А это указывает на то, что «мемориал» должен был располагаться у входа в ущелье — «на том месте, где пали» последние защитники Фермопил.

Правда, из труда Геродота неясно, сколько надгробных памятников было установлено на «мемориале»: «отец истории» приводит тексты только трех эпитафий. Двумя из них павших почтили (*ἐπικοσμήσαντες*) амфиктионы¹⁷ — члены Дельфийско-Пилейского религиозного союза. Этот союз имел два культовых центра — храм Аполлона в Дельфах и святилище Деметры Амфиктионийской с храмом героя-эпонима Амфиктиона¹⁸. Амфиктионы собирались здесь раз в год — на весеннее заседание, решали общие дела, приносили жертвы Деметре и несли надзор за казной, которая хранилась в этом святилище¹⁹. По-видимому, это свидетельствует о том, что оба надгробных памятника, по крайней мере, были выполнены в едином стиле. Третью стелу — над могилой спартанского прорицателя Мегистия, предсказавшего накануне последнего сражения гибель греков, но отказавшегося тем не менее покинуть обреченное войско, — Геро-

¹¹ Herod., VII, 243. В противовес Геродоту Демосфен [LIX (adv. Neaer.), 95] сообщает, что все фиванцы погибли «в боевом строю» при Фермопилах. Сомневается в предательстве фиванцев и Плутарх (Plut., De malign. Herod., 31. Mor. 867A).

¹² Herod., VII, 223–225; Iust., Epit., II, 11, 15; Oros., Hist., II, 9, 7–9.

¹³ Herod., VII, 225.

¹⁴ Iust., Epit., II, 11, 15; Oros., Hist., II, 9, 7–9.

¹⁵ Connolly P. Greece and Rome at War. Macdonald Phoebeus Ltd, 1981. P. 23.

¹⁶ Herod., VII, 228.

¹⁷ Herod., VII, 228.

¹⁸ Herod., VII, 200. Этот Амфиктион, сын Девкалиона и Пирры, вначале царствовал в Фермопилах, затем сверг своего тестя — царя Аттики Краная — и двенадцать лет правил Афинами (Apolod., Bibl. myth., I, 7, 2; III, 14, 6).

¹⁹ Demosth., XVIII (De corona), 154–155; Strab., IX, 3, 7, C 420; 4, 17, C 429.

дот выделяет особо. Ее по собственной инициативе поставил поэт Симонид Кеосский «в память о дружбе» (*ἑπικοσμήσαντες*)²⁰ — скорее всего, прорицателя и поэта связывали узы взаимного гостеприимства. Он же, очевидно, был и автором высеченной на ней стихотворной эпитафии.

В этой связи возникает вопрос о том, почему инициатива возведения «мемориала» принадлежала именно Амфиктионии. Так как все полисы, выславшие ополчение в Фермопилы, являлись ее участниками, то они и выступили с инициативой о возведении «мемориала» на средства союза. Это не противоречило обычаю греков: например, в Афинах существовал закон о погребении павших на войне воинов за счет полиса в братской могиле на особом участке некрополя²¹. При этом останки погибших обязательно распределялись по филам²². Хоронили павших смертью храбрых воинов в полиандриях и спартанцы²³. Погребение же убитых непосредственно на месте битвы считалось признанием их величайшей доблести²⁴. При этом афиняне, по-видимому, создали первый подобного рода прецедент, похоронив убитых в Марафонском сражении на поле боя²⁵. Таким образом, возведение полиандрия в Фермопилах было общей волей полисов, чьи воины приняли участие в сражении, и преследовало цель таким образом почтить выдающийся героизм павших при защите ущелья. Погребение же останков, как того требовал обычай, проводилось в разных могилах — соответственно месту гибели полисного отряда. Отдельно от всех был погребен лишь командующий ополчением — царь Леонид, что тоже было признанием его выдающегося мужества. Не исключено, что эта могила являлась кенотафом: Геродот сообщает, что по приказу Ксеркса персы надругались над трупом царя Леонида — отрубили ему голову и насадили ее на кол²⁶. Так что опознать его тело среди множества убитых было проблематично.

Представление о «мемориале» расширяет сообщение Страбона, видевшего его почти четыре века спустя, на рубеже дохристианской и христианской эр. Так же, как Геродот, он локализует «мемориал» «близ Фермопил», но упоминает уже пять стел с надписями, первой из которых (*ἐπὶ τῇ πρώτῃ τῶν πέντε στήλων τῶν περὶ Φερμοπίλας*) называет не отмеченную «отцом истории» эпитафию над могилой опунтских локров²⁷.

Возможно, Страбон видел «мемориал» уже поврежденным, так как тот мог сильно пострадать во время многочисленных военных действий в ущелье. В 323 г. до Р.Х., во время Ламийской войны, предводитель отряда наемников Леосфен разбил в ущелье войско союзных Македонии беотийцев. В 278 г. до Р.Х., во время нашествия галлов на Грецию, в Фермопильском ущелье строились укрепления²⁸. В 208 г. до Р.Х. этолийцы, готовясь к войне с македонским царем Филиппом V, укрепили Фермопилы «рвами и окопами»²⁹. Наконец, в 191 г. до Р.Х. сирийский царь Антиох III, пытаясь остановить римлян, перегородил ущелье «двойным валом и рвом, а где нужно было — еще и стеной, благо камни валялись повсюду во множестве»³⁰. Эти укрепления стали самыми мощными за всю историю Фермопил — валы служили площадкой для метательных орудий³¹. В

²⁰ Herod., VII, 228.

²¹ Thuc., II, 34, 5; Plat., Menex., 234b; Demosth., LX (Epitaph.), 1–2; Paus., I, 29, 3–4.

²² Thuc., II, 34, 3.

²³ Ael., Var. hist., XII, 21.

²⁴ Thuc., II, 34, 5; Paus., I, 29, 4.

²⁵ Thuc., II, 34, 5; Paus., I, 29, 4.

²⁶ Herod., VII, 238.

²⁷ Strab., IX, 4, 1, C 425.

²⁸ Paus., I, 4, 3–4.

²⁹ Polyb., X, 41, 5.

³⁰ Liv., XXXVI, 16, 1–2; Plut., Cato, 13.

³¹ App., IX (Syr.), 18.

любом случае строительным материалом для фортификационных сооружений могли «пригодиться» и стелы «мемориала» — в чрезвычайной ситуации обычай это допускал. Однако во втором десятилетии по Р.Х. памятник царю Леониду видел поэт Лоллий Басс³². На рубеже II—III вв. по Р.Х. памятник царю Леониду и, видимо, прорицателя Мегистия видел Флавий Филострат³³.

В ранневизантийское время укрепления в Фермопилах были возобновлены при императоре Юстиниане I³⁴. В 539 г. им пришлось испытать натиск племен, кочевавших по Европе после распада гуннского племенного союза³⁵.

Тексты пяти эпитафий — в том числе и не упоминаемых у Геродота и Страбона — имеются в Палатинской антологии — собрании греческих эпиграмм, в основе которого лежал сборник, составленный около 900 г. византийским филологом Константином Кефалой. Эти тексты, скорее всего, восходят к Венку — антологии греческих эпиграмм, составленной около 70—60 гг. до Р.Х. поэтом Мелеагром Гадарским: составитель называет «поросли дивной лозы», подаренные в этот сборник Симонидом³⁶.

Все эти сообщения дают возможность восстановить количество стел с эпитафиями в Фермопильском ущелье. Приведем их греческий текст вместе с поэтическими переложениями на русский язык:

1. Strab., IX, 4, 1. С 425.

Эпитафия над братской могилой опунтских локров, локализуемая Страбонем без указания имени автора у входа в ущелье:

Ποθεῖ φθιμένους ὑπὲρ Ἑλλάδος ἀντία Μήδων,
μητρόπολις Λοκρῶν εὐθυνόμων Ὀπίεις.

Плачет о сих от персидской руки за Элладу погибших

*Мать городов локриян мудрозаконный Опунт*³⁷.

2. Herod., VII, 228; Anth. Pal., VII, 248.

Стела с эпитафией над братской могилой воинов из полисов Пелопоннеса — Спарты, Тегеи, Орхомена, Аркадии, Мантиней, Микен, Коринфа и Флиунта, павших «еще до того, как Леонид отпустил союзников», которая, очевидно, находилась рядом с первой. У Геродота она дана без указания имени автора, в Палатинской антологии ее авторство приписано Симониду Кеосскому:

Μυριάσιν ποτὲ τῆδε τριηκοσίοις ἐμάχοντο
ἐκ Πελοποννάσου χιλιάδες τέτορες.

Против трехсот мириад здесь некогда бились

*Пелопоннесских мужей сорок лишь тысяч всего*³⁸.

Для эпиграммы характерно смешение доризмов (Πελοποννάσου, τέτορες) с ионизмами (τριηκοσίοις).

Называемая в эпитафии численность пелопоннесского ополчения (если только это не поэтическое преувеличение) расходится с цифрами Геродота, у которого численность всего греческого ополчения без отряда опунтских локров определена в 5200 человек. Павсаний, предполагая, что локры могли выставить всех способных носить оружие, добавляет к этой цифре еще 6000, но и тогда получается, что численность ополчения уступает данным надписи по-

³² Anth. Pal., VII, 243.

³³ Flav. Philostr., Apoll. Tyan. vita, IV, 23.

³⁴ Procop. Caes., De aed., 4, 2, 8—9; Hist. arcan., 36, 31—33.

³⁵ Procop. Caes., Bell. Pers., II, 4, 10.

³⁶ Anth. Pal., IV, 1, 8.

³⁷ Пер. Г.А. Стратановского. Дословный перевод: «Скорбит (по) павшим в борьбе с милянами // материнский полис славных законами локров Опунт».

³⁸ Пер. Г.А. Стратановского. Дословный перевод: «Некогда здесь сражались с тремястами мириадами // сорок тысяч (мужей) из Пелопоннеса».

чти в 4 раза. Юстин определяет размер греческого ополчения в 4000 человек³⁹ — ровно в 10 раз меньше, чем отмечено в разбираемой надписи.

3. Anth. Pal., VII, 344a-b.

Памятник над могилой царя Леонида⁴⁰. На нем была установлена статуя лежащего льва — «изображение зверя с косматою гривой»⁴¹, что являлось «говорящим» знаком: имя «Λεωνίδας» обычно переводится с греческого как «сын льва», «львиный». На постаменте статуи была вырезана эпитафия:

Θηρῶν μὲν κάρτιστος ἐγὼ, θνατῶν δ' ὃν ἐγὼ νῦν
φρουρῶ τῶδε τάφῳ λαῖνῳ ἐμβεβαίως.
{Ἄλλῃ εἰ μὴ θυμὸν γε Λέων ἐμὸν οὖνομά τ' εἶχεν,
οὐκ ἂν ἐγὼ τύμβῳ τῶδ' ἐπέθηκα πόδας}.

*Между животными я, а между людьми всех сильнее
Тот, кого я теперь, лежа на камне, храню.
{Если бы, Львом именуясь, он не был мне равен и духом,
Я над могилой его лап не простер бы своих}»⁴².*

Не исключено, что позднейшая книжность объединила в этой эпитафии два одновременных стихотворения. В Палатинской антологии эпитафия разделена: первый дистих приписан Симониду Кеосскому; второй — на полях рукописи после эпиграммы VII, 350 указан как принадлежащий Каллимаху, филологу и поэту, в 305–240 гг. до Р.Х. возглавлявшему Александрийскую библиотеку. Приписываемые ему строки взяты в фигурные скобки.

В эпитафии присутствуют две эпические формы — «κάρτιστοςή, ἀεμβεβαίως» — и два доризма — «θνατῶν», «τῶδε».

4. Herod., VII, 228; Anth. Pal., VII, 677.

Стела с эпитафией прорицателю Мегистию, автором которой, по Геродоту, был Симонид Кеосский; с этим согласен и составитель Палатинской антологии:

Μνήμα τόδε κλειτοῖο Μεγιστία, ὃν τῆδε Μῆδοι
Σπερχειὸν ποταμὸν κτεῖναν ἀμειψάμενοι,
μάντις, ὃς τότε Κῆρας ἐπερχομένας σάφα εἶδώς
οὐκ ἔτλη Σπάρτης ἡγεμόνας προλιπεῖν.

*Памятник это Мегистия славного. Некогда персы,
Реку Сперхей перейдя, жизни лишили его.*

*Вещий, он ясно предвидел богинь роковых приближень,
Но не хотел он в бою кинуть спартанских вождей»⁴³.*

По сравнению с текстом эпитафии, переданной Геродотом, текст, помещенный в Палатинской антологии, дает более «олитературенный» вариант. Так, в стк. 1 вместо «τῆδε» («здесь») дано «πότε» («некогда»), а в стк. 2 более редкое «κλειτοῖο», восходящее к эпической поэзии⁴⁴, заменено часто употребительным «κλεινοῖο». В эпитафии имеются один доризм (Μεγιστία) и одна эпически-ионическая форма gen. sing. прилагательного «κλειτός» (κλειτοῖο).

5. Anth. Pal., VII, 301.

Общая эпитафия павшим вместе с царем Леонидом; в Палатинской антологии ее автором назван Симонид Кеосский:

³⁹ Iust., Epit., II, 11, 15; Oros., Hist., II, 5, 3.

⁴⁰ Herod., VII, 225.

⁴¹ Anth. Pal., VII, 243.

⁴² Пер Л.В. Блуменау. Дословный перевод: «Я сильнейший среди зверей, он же — среди смертных, тот, (у) которого я ныне // сижу на могиле (как) каменный страж. // {Но если бы, имея имя льва, он не (был равен) мне духом, // я не поставил бы лап на этот пьедестал}».

⁴³ Пер. Л.В. Блуменау. Дословный перевод: «Та самая могила славного Мегистия, которого здесь мидяне, // перешедшие реку Сперхей, умертвили. // Прорицатель, который накануне ясно узрел приближающихся Кер, // (но) не решился покинуть предводителей Спарты».

⁴⁴ Hom., II, III, 451; VI, 227; Od., VI, 54; Pind., Nem., VI, 6.

Εὐκλέας αἶα κέκευθε, Λεωνίδα, οἱ μετὰ σείο
τῆδ' ἔθανον, Σπάρτης εὐρυχόρου βασιλεῦ,
πλείστων δὴ τόξων τε καὶ ἰκκυπόδων σθένος ἵππων
Μηδείων τ' ἀνδρῶν δεξάμενοι πολέμῳ.

Славных покрыла земля — тех, кто вместе с тобою
Умерли здесь, Леонид, мощной Лаконики царь!

Множество стрел и коней быстроногих стремительный натиск

В этом сражении пришлось выдержать им от мидян⁴⁵.

6. Herod., VII, 228; Strab., IX, 4, 16, C 429; Anth. Pal., VII, 249.

Отдельная эпитафия на братской могиле спартанцев; Геродот и Страбон не называют имени ее автора, тогда как в Палатинской антологии она приписана Симониду Кеосскому:

ᾧ ξεῖν', ἀγγέλλειν Λακεδαμονίοις, ὅτι τῆδε
κείμεθα τοῖς κείνων ἡμασι πειθόμενοι.

Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли⁴⁶.

Это — самая известная эпитафия «мемориала». Популярность ее была столь высока, что Цицерон даже перевел ее на латинский язык, процитировав как один из самых красноречивых примеров мужества и самопожертвования⁴⁷. Слава этой эпитафии оказалась столь велика и в новое время, что современные учебники нередко контаминируют ее со львом на памятнике царю Леониду⁴⁸.

7. Steph. Byz., s.v. Θεσπια...

Отдельная эпитафия на могиле феспийцев, авторство которой Стефан Византийский приписывает Филиаду:

ἦ Ἀνδρεῖ θ' οἱ ποτ' ἔναλον + ὑπὸ κροτάφοις + Ελικῶνος,
λήματι τῶν ἀρχεῖ Θεσπίας εὐρύχορος.

Эти мужи в Феспийских полях под горой Геликоном
Жили, и ныне горда родина силой сынов⁴⁹.

Таким образом, можно полагать, что Фермопильский «мемориал», расположенный у входа в ущелье, насчитывал семь памятников над могилами павших греков. Возможно, его композиционным центром был памятник царю Леониду — единственный, на котором имелось скульптурное изображение. В таком случае справа и слева от него находилось по три стелы с эпитафиями — правда, последовательность их размещения может быть восстановлена только умозрительно. С уверенностью можно сказать лишь, что, согласно Страбону, «мемориал» открывала стела с эпитафией над могилой погибших локров. Вопрос о времени сооружения «мемориала» также не имеет однозначного решения: был ли он построен единовременно или же родные полисы погибших постепенно

⁴⁵ Пер. Л.В. Блуменау.

⁴⁶ Пер. Г.А. Стратановского. Дословный перевод: «О путник, возвести лакедемонянам, что здесь // покоимся мы, верные их законам». Труднее всего дать однозначный перевод второй строки, так как выражение «τοῖς κείνων ἡμασι πειθόμενοι» может пониматься и как верность данному слову, и как верность существующим обычаям. Словарь Лидделла-Скотта-Джонса предполагает, что в этом случае, возможно, Симонид употребил слово «+ρήμα» как синоним термина «+ρήτρα» — «закон» (A Greek — English Lexicon / Compl. by H.G. Liddell and R. Scott; rev. by H.S. Jones. Oxford, 1961. P. 1569. s.v.). Цицерон, переведший эпитафию на латинский язык, понимал это слово как «lex» (Cic., Tusc. diatr., I, 42, 101).

⁴⁷ Cic., Tusc. diatr., I, 42, 101:

Dic, hospes, Spartaе, nos te hic vidisse iacentes
Dum sanctis patriae legibus obsequuntur.

⁴⁸ Древняя Греция / Под ред. В.В. Струве и Д.П. Каллистова. М., 1956. С. 190; История Древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1996. С. 138.

⁴⁹ Пер. М.Л. Гаспарова. Дословный перевод: «Это те самые мужи, которые некогда жили под кручами Геликона. // Их отвагой горда славящаяся хороводами Феспия».

дополняли его новыми стелами? Вторая точка зрения, если брать за основу текст Геродота, более предпочтительна. Может статься, что эпитафии, чьи тексты сохранились у Страбона, Стефана Византийского и в Палатинской антологии, появились после того, как «отец истории» завершил труд. Ко времени Страбона из них было утрачено две — очевидно, общая эпитафия над могилой павших (№5) и эпитафия над могилой феспийцев (№7).

Античная традиция, как мы уже видели, приписывает авторство шести из семи эпитафий Симониду Кеоскому (около 556–468 гг. до Р.Х.). На это, видимо, повлияли два обстоятельства. С одной стороны, свидетельство Геродота об авторстве эпитафии Мегистия дало повод приписать Симониду и остальные эпитафии. С другой стороны, его литературная слава как автора многочисленных эпитафий, писавшихся как на заказ, так и «от души», была чрезвычайно велика и в античную, и в византийскую эпохи. В Палатинской антологии Симониду приписаны практически все стихотворные надписи на могилах павших в сражениях 480–479 гг. до Р.Х. О том же, что не все фермопильские эпитафии принадлежали одному автору, свидетельствует сообщение лексикографа VI в. по Р.Х. Стефана Византийского о некоем Филиаде — авторе эпитафии над братской могилой феспийцев⁵⁰. Как кажется, проблема количества авторов фермопильских эпитафий может быть решена из соотношения общего количества слов в каждой эпитафии с числом имеющих в них доризмов и ионизмов.

Вероятный автор	Принадлежность	Кол-во слов	Доризмы		Ионизмы	
			Кол-во	%	Кол-во	%
Симонид?	Пелопоннесцы	9	2	22,2	1	11,1
Симонид	Мегистий	22	1	4,5	1	4,5
Симонид?	Спартанцы	11	—	—	—	—
Филиад	Феспийцы	13	—	—	—	—

Посмотрим же, какие важнейшие для греков ценности были отражены в эпитафиях Фермопильского «мемориала». Прежде всего отметим, что словом «*τῆριδε*» — здесь — в них предельно конкретизировалось место подвига, а запечатленная в них память о защитниках Фермопил была адресована грядущим поколениям — в большинстве эпитафий присутствует слово «*πότε*» — «некогда», «когда-то», что вряд ли отложилось в сознании создателей «мемориала».

В отличие от последующих эпох греческой истории, когда в эпитафиях на первое место ставилась достойная смерть как итог достойной жизни, в фермопильских надгробиях мерилom достойной жизни выступает героическая смерть. Но она не является результатом индивидуального подвига. Красной нитью через эпитафии проходит мысль о коллективности подвига: из всех павших в ущелье назван предводитель — царь Леонид, и то — как первый среди равных ему по мужеству. Единственный «знак», отличающий его от прочих героев, — имя, обязывающее вести себя столь же мужественно, как и «соименный» ему лев. Именно общее на всех мужество позволяло грекам противостоять превосходящим силам врага и предпочесть смерть позору. Говоря иначе, павшие в битве одержали — это и отразил Фермопильский «мемориал» — моральную победу над численно превосходившим их неприятелем. Для греков, как справедливо отметил Г. Дельбрюк, это был первый по времени — и потому важнейший — перелом в искусстве ведения войны. «Леонид воплощает моральное начало в

⁵⁰ Steph. Byz., s.v. Yespia.

войне, — писал он, — ...геройство как органический элемент войны, как сознательное военное действие»⁵¹. Осознание этого факта греками и запечатлели фермопильские эпитафии.

Индивидуальный подвиг прорицателя Мегистия отмечен особо — но это не признание его личного героизма: его эпитафия поставлена по инициативе частного лица — и не исключено, по долгу проксена. К тому же греки не придавали подвигу прорицателя самостоятельного значения. Такое отношение коренится в системе полисного коллективизма, всегда ставящего заслуги коллектива граждан выше заслуг отдельного гражданина.

Это дает полису право гордиться (*αὐχεῖ*) отвагой (*λήματι*) павших в битве мужей (№7) и глубоко печалиться об их гибели (№1). Не менее важным в этой связи является и верность традициям полиса, считавшаяся у греков одной из высших добродетелей. Именно верность полисному закону (*τοῖς κείνων ἤμασι πειθόμενοι*) не позволила воинам покинуть поле боя (№6).

Отметим также, что в эпитафиях отразился и агональный характер греческой культуры — Фермопильское сражение представлено в них как своего рода агон, соревнование, свободного духа эллинского гражданства и поработанного царской властью варварства. И не только. Павшие защитники Фермопил не случайно не были почтены *единой* эпитафией. Индивидуальные эпитафии над могилами граждан *разных* полисов — это тоже отражение агона, но агона между полисами в мужестве и героизме их граждан. Характерно, что граждане полисов, покинувшие ущелье до конца битвы, за исключением опунтских локров, получили коллективную эпитафию, тогда как фиванцы, сдавшиеся на милость врага, вообще не имели эпитафии.

Однако надписи были лишь слабым отсветом славы защитников Фермопил, чей подвиг восторгал греков в большей степени. Выполненный ими долг был выше поэзии. Для римлян Республиканской эпохи подвиг защитников Фермопил стал предметом легкой зависти. Так, Цицерон, воздавая славу высоте духа царя Леонида и погибших вместе с ним воинов, замечал: «Без счета таких примеров являет и наше отечество»⁵². Но в первые века по Р.Х. началось переосмысление сущности подвига защитников Фермопил. Для греческих авторов при этом их слава не подлежала никакому сомнению⁵³, более того — служила основой мифологизации подвига. Так, в эпиграммах Филиппа из Фессалоник и Антифила из Византия, поэтов I в. по Р.Х., излагается красивая легенда, навеянная скорее «удачей и доблестью» Александра Великого, нежели трудом Геродота. Они говорят о почетном погребении тела царя Леонида Ксерксом, по заслугам воздавшим мужеству противника⁵⁴. Римские авторы, напротив, либо стремились доказать превосходство своих соотечественников в доблести перед греками, либо окидывали случившееся в Фермопилах весьма скептическим взглядом, либо приводили как пример презрения к смерти в духе стоиков. Как пример первой точки зрения можно привести сообщение Веллея Патеркула о подвиге военного трибуна Кальпурния Флаамы, во время Первой Пунической войны с отрядом в 300 воинов занявшего холм у Камеринского леса и обеспечившего отход основных сил римлян, дрогнувших перед пунийцами. Так — делает вывод Веллей Патеркул — «Кальпурний сравнился славой с Фермопилами и Леонидом и даже оказался блистательнее»⁵⁵. Известный скеп-

⁵¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. Античный мир. М., 1936. С. 97.

⁵² Cic., Tusc. diatr., I, 42, 101.

⁵³ Paus., III, 4, 6.

⁵⁴ Anth. Pal., IX, 293–294.

⁵⁵ Vell. Pat., I, 18, 13.

сис в отношении Фермопил проявлял Тит Ливий, считавший, что «гибель лакедемонян... гораздо более прославила его (ущелье. — А.А.), чем сама битва»⁵⁶. А Сенека видел в этом подвиге удачный пример «простой и повелительной» стоической добродетели, побуждающей человека избавиться от страха смерти⁵⁷. В век Антонинов, время увлечения всевозможными оккультными учениями, взгляд на подвиг защитников Фермопил изменился в соответствии со вкусами эпохи. Флавий Филострат вложил в уста Аполлония Тианского речь, в которой тот превозносил подвиг воинов, павших в ущелье «за свободу», но выше его он поставил мужество Мегистия. Его подвиг для Флавия Филострата имел самостоятельное значение, так как Мегистий, будучи прорицателем, «весьма искусственным в гаданиях по жертвам», заранее был извещен богами об исходе сражения⁵⁸. Для раннехристианских авторов, чуждых языческого понимания подвига, защита Фермопил была малоинтересна: Павел Орозий, автор «Истории против язычников», утверждал, что это была «не битва двух [противников], а избиение одного народа»⁵⁹.

Summary

In the article of Dr. Avdeev deals with the destiny of the Thermopiles memorial and the greek epigraphy.

⁵⁶ Liv., XXXVI, 15, 12.

⁵⁷ Sen., Ad Luc., LXXXII, 20–23.

⁵⁸ Flav. Philostr., Apoll. Tyan. vita, IV, 23; VIII, 7.

⁵⁹ Oros., Hist., II, 9, 5.